

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

УДК 902

Н.Н. Головченко

ПОИСК ПАРАЛЛЕЛЕЙ ПРЕДМЕТНОМУ КОМПЛЕКСУ ОДЕЖДЫ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА В ГИМНАХ РИГВЕДЫ

Выявляются параллели между содержанием религиозных гимнов Ригvedы и археологическим материалом, происходящим из погребальных комплексов эпохи железа Верхнего Приобья. В работе отражены некоторые вопросы методики такого рода исследований. Установлены соответствия между содержанием текстов Ригvedы и археологическими находками. Определены историко-этнографические возможности применения гимнов Ригvedы в археологических исследованиях. В ходе исследования автор приходит к выводу о возможности экстраполяции сведений гимнов Ригvedы на культуры скифо-сакского мира.

Ключевые слова: предметный комплекс одежды; ранний железный век; Верхнее Приобье; индоевропейцы; Ригvedы.

В погребальных памятниках эпохи раннего железа на территории Верхнего Приобья не являются редкостью находки, происходящие из Индии, к их числу относятся бусы и зеркала [1, 2]. Как известно, в ходе торгового взаимодействия между вовлеченными в него сторонами осуществляется обмен не только предметами материального обихода, но и идеями. Особенно ярко этот процесс проявляется при включении в него близких по облику культур.

Во второй половине I тыс. до н.э. на территории степного пояса Евразии существовали и развивались культуры, объединенные схожим предметным комплексом вооружения, конской упряжи, костюма и общим художественным «звериным стилем». Это культурное образование, известное нам как скифо-сакский мир, просуществовало почти восемь веков, оставив колоссальный след в истории Евразии. Неудивительно, что богатая память о нем нашла отражение в письменной исторической традиции ряда античных народов.

В настоящее время досконально исследован комплекс греческих источников о скифах, а имеющиеся в них сведения надежно сопоставлены с археологическим материалом степей Причерноморья и экстраполированы на такие значимые «скифские» археологические находки Сибири, как погребения пазырыкской и уюкской культур [3, 4], Сибирскую коллекцию Петра I [5]. Однако, по нашему мнению, культурно и территориально население юга Западной Сибири и Верхнего Приобья в частности более тяготеет к сакской традиции. Конечно, нет оснований говорить обо всех носителях культур скифского мира как об индоевропейцах, наоборот, скорее он представлял собой поликультурное, полиязыковое и полиэтничное образование [6]. Однако это не делает менее важными для нас сведения письменных источников «азиатского»: иранского и индийского происхождения. К их числу относятся Авеста, Ригvedы и Упанишады. И если Авеста уже имеет традицию интенсивно привлекаться исследователями при поиске параллелей в предметных комплексах археологических культур Сибири [6, 7], то Ригvedы и

Упанишады используются гораздо реже. Это, как нам представляется, связано со значительным хронологическим разрывом между исследуемыми памятниками и временем написания текстов, а также со сложностью самих религиозных текстов. Однако именно в этих сложных для восприятия гимнах попадают бесценные крохи столь необходимой нам информации о бесписьменных народах древней Азии.

Настоящая работа посвящена поиску параллелей предметному комплексу одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железного века в гимнах Ригvedы. Источниками для написания работы послужили опубликованные материалы погребальных комплексов скифского времени территории Верхнего Приобья и религиозные тексты Ригvedы в переводах Т.Я. Елизаренковой [8–10].

«Золотые люди» Ригvedы. Многим религиозным системам свойственна гиперболизация божественных образов путем присвоения им всевозможных эпитетов. Не является исключением в этом отношении и Ригvedы, восхваления о «золотом», «сияющем», «светлом», «милом» и «чудном» облачении божеств которой можно встретить в каждом третьем гимне мандал I–VIII, реже IX–X. Естественно, что подобные жесты почтения были обращены к различным божествам, но наиболее часто авторы гимнов описывали ими одежды Агни, Рудры, его сыновей Марут и Ушас. Для начала попробуем ответить на вопрос: почему одежда именно этих богов была воспета древними в их гимнах?

Одним из основных божеств Ригvedы является Агни – божество жертвенного огня¹, медиатор между миром вечных богов и смертных людей, переносчик просьб гимнопевцев и их жертвы из профанного мира в мир сакральный. Важность этого бога в религиозной системе Ригvedы очевидна, Агни отвечает за взаимодействие человека со всем пантеоном богов. Вся значимость этого бога как нельзя лучше охарактеризована строкой из гимна V мандалы: «Ты, о Агни, – Варуна, когда рождаешься, ты становишься Митрой, когда зажжен. В тебе, о сын силы, – все боги. Ты – Индра для почитающего тебя смертного» [9. С. 8].

Не менее важным в жизни рядовых адептов ведической религии был *Рудра* – грозный бог, персонифицирующий гнев и ярость, часто отождествляемый с ненастьем в целом. Погодные катаклизмы, подвластные Рудре, такие как ветер, буря и гроза, олицетворяли его дети – *Маруты*. Маруты, в отличие от других богов Ригvedы, имели аватарами не животных (коней – Ашвины, баранов – Сурья, Агни, Индра), а рядовых воинов.

Еще одним божеством Ригvedы, наряды которой неоднократно описываются в молитвенных гимнах, является *Ушас* – божество, персонифицирующее зорю (зори – в широком смысле восход Солнца, начало дня).

Всех упомянутых божеств объединяет одно – их проявления люди наблюдали ежедневно. Как каждый день начинался и начинается с восхода Солнца, так во всех древних цивилизациях были божеества зори – достаточно вспомнить «*светлокудрую Эос*» греков и Хепри египтян. Каждый день, начиная с эпохи палеолита, мы имеем дело с огнем, одним из основных орудий, благодаря которому человек осваивал мир. До сих пор вызывая у человека трепет, гремят и бушуют грозы. И не менее редко душевные порывы у человека вызывают ярость и гнев. В отличие от Индры – царя небесного мира, чей образ оставался туманным², с этими божеествами человек контактировал постоянно, поэтому нет ничего удивительного в том, что в их образах воплотились некоторые объекты повседневности, такие как предметный комплекс одежды. Последним и определяется методика сопоставления религиозных текстов с конкретным археологическим материалом.

В обоснование суждений. Осуществляя сравнение некоторых опусов Ригvedы с археологическим материалом скифского времени Верхнего Приобья, мы не хотим сказать, что древнее население юга Западной Сибири исповедовало индуизм. Так же мы не утверждаем о наличии прямых аналогий между содержанием гимнов Ригvedы и конкретными археологическими находками с Верхней Оби. Целью нашего исследования является поиск параллелей некоторым вариантам оформления одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железного века в древних текстах. Так же предлагаемой читателю работой мы хотим указать на поликультурность региона и на наличие в нем индоиранского компонента, который, возможно, нашел отражение в предметном комплексе одежды и отдельных обрядах населения скифского времени Верхнего Приобья.

Несколько слов о методологической основе исследования. На содержание в мифах и религиозных гимнах реальных материальных и исторических категорий указывал А.Ф. Лосев в своем монументальном труде «Диалектика мифа» [11]. Основываясь на трудах А.Ф. Лосева, попытку осмыслить и найти археологические подтверждения некоторым «мифическим» суждениям Геродота о скифах Причерноморья в свое время предпринимал Д.С. Раевский [12].

Применительно к нашему случаю, на содержание реальных исторических категорий в гимнах Ригvedы указывал Й. Хейзинга. В «*Homo Ludens*» автор на примере ведических гимнов говорит о включении объектов повседневности в «игровую» (обрядовую) жизнь. Эта «игровая» деятельность, будучи порождением человеческого разума, обставляется реальными окружающими человека вещами, которые и запечатлеваются в гимнах, служащих своеобразным звеном или пунктом правил «игры» (обрядов) [13. С. 40–44].

Основываясь на работах А.Ф. Лосева, Д.С. Раевского и предположениях автора «*Homo Ludens*», мы позволили себе осуществить предлагаемое читателю небольшое исследование.

«Золотые люди» Ригvedы и предметный комплекс одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железного века. Читая гимны Ригvedы и сравнивая их с имеющимися в нашем распоряжении материалами об одежде населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа, нельзя не удивиться явным параллелям между ними. Предметный комплекс одежды знати, обнаруженный в погребальных памятниках Приобья, среди которых самыми знаковыми являются находки из кургана 9 памятника Локоть 4а [14], находит множество прямых аналогий в ведических гимнах. Так, к примеру, об Агни неоднократно сообщается, что он носит «*золотые одежды*» и волосы [8. С. 32]. Мы можем предположить, что, облачая почивших вождей в одеяния, обшитые золотом, древние, вероятно, желали соединения на сакрально-мистическом уровне образа (фарна) умершего вождя с образом (и фарном) божества, причем не обязательно именно с Агни.

Помимо ношения одежды, обшитых золотом, согласно сообщениям Ригvedы, Рудра носит заплетенные в косичку волосы³ [Там же. С. 139, 274]. Остатки кос отчасти сохранились в 3 погребениях раннего железного века на территории Верхнего Приобья, два случая в мужских захоронениях [1. С. 120; 15. С. 38–39], один в женском [16. С. 59]. Косы были заплетены на голове знаменитой мумии пазырыкской культуры, обнаруженной в кургане Верх-Кальджин-2 [17], и ряда мумий из пустыни Такла-Макан [18]. Их же мы можем встретить на кулайском изображении из Айдашинской пещеры (под Ачинском, Красноярский край) [19]. Также о бытовании кос у носителей кулайской культуры говорят китайские наконечники, обнаруженные на памятнике Каменный Мыс [20, 21]. Кроме того, косы встречаются на многочисленных изваяниях скифского времени от Причерноморья до Алтая [22, 23]. Основываясь на комплексном анализе всех перечисленных источников, логично будет предположить, что косы выступали как своеобразный символ статуса власти.

Самые яркие аналогии мы видим между предметным комплексом одежды населения Верхнего Приобья скифского времени и описанием облачений Марут. Дело в том, что в гимнах отражено описание оплечий наплечных одежд богов бури, которое полностью сов-

падает с археологическими находками: «сыновья Рудры с золотыми пластинками на груди» [8. С. 275]. А в другом месте еще более красочно: «Поющие песню, порождающие силу Индры, они, чья мать – Приини (женское божество, имеющее облик коровы. – Н.Г.), надели на себя украшения. Когда те, чья мать – королева, украшают себя блестящими драгоценностями, сверкающие, они надевают на себя искрящиеся украшения. Они гонят прочь любого преследователя» [Там же. С. 103]. И в несколько ином варианте: «Много вещей, несущих счастье, на ваших мужественных руках, на груди – золотые пластинки, пронзительно яркие украшения, на плечах – шкуры, на поясах – ножи» [Там же. С. 209]. Нашивные бляшки из золотой фольги и разноцветные бусины – типичные украшения оплечий наплечных одежд погребенных в памятниках Верхнего Приобья, как мы видим, полностью подпадают под описание одежды Марут. Но на этом аналогии не заканчиваются. Еще более важно, что основными сопутствующими символами Марут являлись «пряжка» (пряслице) и нож, самые часто фиксируемые находки в погребениях раннего железного века на территории Приобья [1, 14–16]. Если выражаться словами гимна Ригведы: «В их руках соединились пряжка и нож» [8. С. 211].

Определенные параллели можно увидеть между описанием наряда Ушас и предметным комплексом женской наплечной одежды, обнаруженным в погребальных памятниках Верхнего Приобья. К примеру, в одном из гимнов к Ушас I мандалы сообщается, что «она увешивает себя украшениями, как танцовщица» [Там же. С. 111]. Бусы, трубочки-пронизки, серьги, заколки, гривны и перстни – вот основные категории украшений женщин, населявших Верхнее Приобье в раннем железном веке [1, 14–16]. Все эти украшения располагались в верхней части ансамбля костюма, что вполне могло создавать ощущение их избыточного присутствия и «увешанности». Особый интерес вызывает описание смены одежды Ушас: «Эта дочь неба явила себя, ярко пылающая женщина в светлых одеждах... богиня сняла черный наряд» [8. С. 137–138]. Или еще более аллегорично: «Надо возвеличить за утренним призывом зарю и ночь, хорошо известных, тех, что словно две жены: одна подобна бездетной женщине, носящая простую одежду, другая с блеском солнца, прекрасная в золотых украшениях» [Там же. С. 152].

Мы рассмотрели лишь некоторые параллели между содержанием гимнов Ригведы и археологическими находками, происходящими с территории Верхнего Приобья, но источниковедческий потенциал этого письменного источника этим отнюдь не ограничивается. В отдельных гимнах мы можем найти упоминания о ткачестве и некоторых манипуляциях с одеждой, мимо которых пройти было бы большим упущением.

Семантика ткани, ткачества и одежды по гимнам Ригведы. В эпоху раннего железа на просторах

Евразийских степей одежду уже изготавливали из тканей. Об этом говорят находки одежд из тканей на погребенных в пазырыкских курганах, в склепах пустыни Такла-Макан [17, 18], отдельные остатки фрагментов тканей одежд и орудий ткачества на памятниках Верхнего Приобья [15]. Кожа использовалась для изготовления функционально более значимой верхней одежды, которая могла выступать и в качестве своеобразного доспеха [7]. Оба эти сырья вплетены в верования разных народов мира, не является исключением и индоиранская ведическая мифология. В Ригведе не редки сравнения хорошего жертвенного приношения, выполненного по обряду с качественно выделанной шерстью [9. С. 11]. Так, обращаясь к Апри (персонифицированное название литургических гимнов, приглашающих богов к жертвоприношению), гимнопевец просит жертву: «Мягкая как шерсть растелись» [Там же. С. 11].

Аллегорически ткачество сравнивается с движением Солнца по небосклону, а шерсть (ткань) – с солнечным светом: «Такова божественная природа Сурьи, таково величие: посреди работы он собирает натянутую ткань» [8. С. 140]. Деятельность Сурьи (ежедневный восход и заход Солнца) один из авторов гимнов сравнивал с ежедневным пением гимнов: «Соткан мой труд, и снова ткется все он же» [Там же. С. 132]. Примечательно, что Сурья – солнечное божество, ткач, имел своим аватаром барана, образ которого часто фигурирует на головных уборах кочевников, но еще более важно, что из бараньей шерсти изготавливалась одежда, таким образом, ношение одежды и процесс ее изготовления становились сокращенным действием, своего рода обрядами с сопутствующими им ритуалами.

Отдельные отрывки из текстов Ригведы сохранили до нас описание некоторых манипуляций с одеждой, которые, возможно, носили ритуальный характер. К примеру, о процессе приготовления хаомы (сомы) сообщается, что давящие камни, используемые для выжимания сока, встряхивают, как «края одежды» [Там же. С. 49]. Мотив «встряхивания края одежды» встречается и в гимне к Агни, в котором сообщается, что «Он мощно воздевает кверху руки, словно Савитар (побудитель, солнечное божество. – Н.Г.). Оба края одежды соединяет страшный, простираясь. Из себя самого извлекает он прозрачное покрывало. Новую одежду он оставляет родителям» [Там же. С. 116]. Скорее всего, в описанных случаях аллегорически речь идет о полах распашной одежды, соединению которых приписывались определенные смыслы. Возможно, соединение пол одежды, т.е. приведение ее в функциональное состояние, символизировало каким-то образом целостность земного мира.

Сюжет деления костюма индоевропейцев на сферы, или ярусы, нашел массовое отражение в исследовательской литературе [24]. Вероятно, и в данном случае мы имеем дело с явлением того же порядка. Это подтверждает и строка из гимна к Индре, согласно которой

«Самосуций, он несет небо, словно головное украшение» [8. С. 216].

Примечательно, что по гимнам Ригведы у нас есть возможность судить о верхнем и среднем ярусах костюма (о головном убранстве и наплечной одежде), но нет данных о нижнем ярусе (поясной одежде и обуви). К слову, именно предметный комплекс данных элементов одежды – самый не представительный в погребальных памятниках скифского времени Верхнего Приобья.

Между тем в Ригведах отмечается не только высокая сакральная (обрядовая) значимость одежды, но и вполне обыденная, экономическая, так, сообщается о статусе и богатстве дара, в который входит одежда [9. С. 44].

В заключение хотелось бы отметить, что образность, неточность и абстрактность текстов Ригведы

существенно снижает ее источниковедческий потенциал в археологических исследованиях, посвященных одежде. Приведенные нами выше цитаты из гимнов с описанием облачений божеств имеют массу параллелей не только с предметным комплексом одежды населения Верхнего Приобья скифского времени, но и с костюмным комплексом ряда других культур и народов [25]. Поэтому данные Ригведы могут использоваться экстраполярно при изучении одежды всех носителей культур скифо-сакского мира, насколько это обосновано – вопрос будущих исследований. Мы лишь хотели показать, что привлечение косвенных источников, таких как гимны Ригведы, в состоянии украсить любое археологическое исследование бесписьменных народов древности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сама собою напрашивается аналогия с «царскими Гестиями» у Геродота.

² Так, в гимне к Индре-Ваю говорится, что «Рядясь в завитые одежды, он течет кругом по чану, рядясь в прозрачные одежды, он течет» [8. С. 171].

³ В гимне: «Эти молитвы мы приносим Рудре, сильному, с заплетенной косой, властвующему над мужами» [8. С. 139].

ЛИТЕРАТУРА

1. Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с., ил.
2. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Бусы из скифских погребений Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий : матер. междунар. науч. конф. Барнаул, 1999. С. 66–70.
3. Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тысячелетия до н.э.). М. : Вост. лит., 1961. 67 с.
4. Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der Goldschatz von Arzan. Fin Furstgrab der Skythenzeit in der sudsibirischen Steppe. Munchen : Schirmer/Mosel, 2006. 144 S., 78 Farbtafeln.
5. Артамонов М.И. Сокровища саков. М. : Искусство, 1973. 269 с.
6. Савинов Д.Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур Южной Сибири : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1987. 54 с.
7. Головченко Н.Н., Телегин А.Н. Кожаные и войлочные головные уборы носителей археологических культур скифо-сакского мира: морфология и назначение // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2012. №4 (16). С. 70–72.
8. Ригведа. Мандалы V–VIII / отв. ред. П.А. Гринцер. М. : Наука, 1989. 754 с.
9. Ригведа. Мандалы I–IV / отв. ред. П.А. Гринцер. М. : Наука, 1999. 767 с.
10. Ригведа. Мандалы IX–X / отв. ред. П.А. Гринцер. М. : Наука, 1999. 562 с.
11. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М. : Мысль, 2001. 558 с.
12. Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М. : Языки славянских культур, 2006. 600 с.
13. Хэйзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
14. Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с., ил.
15. Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.
16. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка // Материалы и исследования по археологии СССР. М. ; Л., 1956. № 48. 163 с., с ил.
17. Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск : ИНФОЛИО, 2005. 232 с.
18. Wang Binghua, Victor H. Mair. Xinjiang Gushi: Gudai Xinjiang Juminji Qi Wenhua (The Ancient Corpses of Xinjiang: The Peoples of Ancient Xinjiang and their Culture). Xinjiang, 2001. 245 p.
19. Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. Новосибирск, 1980. 208 с.
20. Бородовский А.П. Интерпретация и некоторые вопросы ритуального значения волос в раннем железном веке (по материалам Новосибирского Приобья) // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. Новосибирск : Наука, 1987. С. 117–121.
21. Ковалев А.А. Происхождение бронзовых обойм-«накосников» Западной Сибири и Южного Урала // Вторые Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1992. Ч. II. С. 96–97.
22. Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск : Наука, 1979. 99 с.
23. Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М. : МТО МЕТЕО, 1994. 184 с.
24. Головченко Н.Н., Телегин А.Н. Одежда евразийских кочевников скифо-сакского времени (опыт разработки типологии и терминологического аппарата) // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 2. С. 5–13.
25. Литвинский Б.А. «Золотые люди» в древних погребениях Центральной Азии (опыт истолкования в свете истории религии) // Советская этнография. 1982. № 4.

Golowchenko Nikolai N. Altai State Pedagogical Academy (Barnaul, Russian Federation). E-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru
SEARCH PARALLELS SUBJECT COMPLEX OF CLOTHING POPULATION OF THE UPPER OB EARLY IRON AGE IN THE HYMNS OF THE RIG VEDA.

Keywords: complex subject of clothing; Early Iron Age; Upper Ob; Indo-Europeans; the Rig Veda.

There are many findings came from India, including beads and mirrors in the funeral monuments of early Iron Age on the territory of Verchneye Priobie (the Upper Ob region). As known, during commercial interactions there was exchange not only of objects of daily use, but also of ideas. Supposedly because of intensive interactions between the south of West Siberia inhabitants of Iron Age and

southern nomadic tribes similar traditions of decorating clothes appeared. Those traditions were reflected in sang hymns of the Rig-Veda. The deities of the Rig-Veda wearing golden clothes remain the remnants of vestment found in funeral monuments of Verchneye Priobie. Such a token finding is a famous fighting man's or a tribal chief's clothes in the burial ground 9 Lokot'-4a. His clothes is similar with the description of costumes of Agnes and Indra. The most important similarity is between the image description of Marut Rig-Veda and simple burial of fighting men from Verchnyaia Ob. During the research was discovered that pendant from golden foil which were sewn on and colored beads are typical decorations of a neckpiece in monuments of Verchneye Priobie and they are similar to Marut's ones. It is also important that the main symbols of Marut were a spindle whorl and a knife, the most wide-spread findings of Iron Age burials on the territory of Ob. Except for the identification of parallels between the clothes of the studied region's population and hymns of Rig-Veda, there is the fixation of some last rites connected with clothes wearing and decorating. Author came to the conclusion that figurativeness, inaccuracy and abstractness of Rig-Veda texts reduce the source study potential of archaeological research devoted to clothes. Quotes from hymns describing the deity's vestments used in the article are similar with not only clothes of Scythian population of Verchneye Priobie but also with costumes of other cultures and peoples. That's why the Rig-Veda data may be used in extrapolate way while studying clothes of all cultures of Scythians and Saxons. According to this research we wanted to show that the use of indirect sources such as hymns of Rig-Veda can make any archaeological research of ancient and having no written language peoples bright.

REFERENCES

- Umanskiy A.P., Shamshin A.B., Shul'ga P.I. *Mogil'nik skifskogo vremeni Rogozikha-1 na levoberezh'e Obi* [Scythian burial Rogozikha-1 on the left bank of the Ob River]. Barnaul: Altai State University Publ., 2005. 204 p.
- Kiryushin Yu.F., Stepanova N.F. [Beads from Scythian burials of the Altai Mountains]. *Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy*: mater. mezhdunar. nauch. konf. [The results of the study of the Scythian epoch in Altai and adjacent territories. Proc. of International Scientific Conference]. Barnaul, 1999, pp. 66-70. (In Russian).
- Rudenko S.I. *Iskusstvo Altaya i Peredney Azii (seredina I tysyacheletiya do n.e.)* [The art of Altai and Southwest Asia (the mid of the 1st millennium B.C.)]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1961. 67 p.
- Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. *Der Goldschatz von Arzan. Ein Fürstgrab der Skythenzeit in der sudsibirischen Steppe*. München: Schirmer/Mosel, 2006. 144 p.
- Artamonov M.I. *Sokrovishcha sakov* [the treasures of Saks]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1973. 269 p.
- Savinov D.G. *Formirovaniye i razvitiye rannesrednevekovykh arkhеologicheskikh kul'tur Yuzhnoy Sibiri*: avtoref. diss. d-ra ist. nauk [The formation and development of early medieval archaeological cultures of Southern Siberia. Abstract of History Doc. Diss.]. Novosibirsk, 1987. 54 p.
- Golovchenko N.N., Telegin A.N. *Kozhanye i voylochnyye golovnyye ubory nositeley arkhеologicheskikh kul'tur skifo-sakskogo mira: morfologiya i naznachenie* [Leather and felt hats belonging to the archaeological cultures of the Scythian-Saka world: morphology and application]. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii*, 2012, no. 4 (16), pp. 70-72.
- Grintser P.A. (ed.) *Rigveda. Mandaly V–VIII* [Rigveda. Mandala V–VIII]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 754 p.
- Grintser P.A. (ed.) *Rigveda. Mandaly I–IV* [Rigveda. Mandalas I–IV]. Moscow: Nauka Publ., 1999. 767 p.
- Grintser P.A. (ed.) *Rigveda. Mandaly IX–X* [Rigveda. Mandala IX–X]. Moscow: Nauka Publ., 1999. 562 p.
- Losev A.F. *Dialektika mifa* [The dialectic of myth]. Moscow: Mysl' Publ., 2001. 558 p.
- Raevskiy D.S. *Mir skifskoy kul'tury* [The world of Scythian culture]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006. 600 p.
- Huizinga J. *Homo Ludens. Chelovek igrayushchiy* [Homo Ludens. Man the Player]. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publ., 2011. 416 p.
- Shul'ga P.I. *Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot'-4a* [Scythian burial Lokot'-4a]. Barnaul: Altai State University Publ., 2003. 204 p.
- Shul'ga P.I., Umanskiy A.P., Mogil'nikov V.A. *Novotroitskiy nekropol'* [Novotroitsk Necropolis]. Barnaul: Altai State University Publ., 2009. 329 p.
- Gryaznov M.P. *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya rechka* [The history of the ancient tribes of the Upper Ob from excavations near the village. Big River]. *Materialy i issledovaniya po arkhеologii SSSR*, 1956, no. 48, 163 p.
- Polos'mak N.V., Barkova L.L. *Kostyum i tekstil' pazyryktsev Altaya (IV–III vv. do n.e.)* [The costume and textiles of the Altai Pazyryks (4th-3rd centuries BC.)]. Novosibirsk: INFOLIO Publ., 2005. 232 p.
- Wang Binghua, Victor H. Mair. *Xinjiang Gushi: Gudai Xinjiang Juminji Qi Wenhua*. Xinjiang, 2001. 245 p.
- Molodin V.I., Bobrov V.V., Ravnushkin V.N. *Aydashinskaya peshchera* [Aydashinsk cave]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1980. 208 p.
- Borodovskiy A.P. *Interpretatsiya i nekotorye voprosy ritual'nogo znacheniya volos v rannem zheleznom veke (po materialam Novosibirskogo Priob'ya)* [The interpretation and some questions of ritual significance of hair in the early Iron Age (based on Novosibirsk Ob region)]. In: Martynov A.I., Molodin V.I. (eds.) *Skifo-sibirskiy mir: Iskusstvo i ideologiya* [The Scythian-Siberian world: art and ideology]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987, pp. 117-121.
- Kovalev A.A. [The origin of the bronze "nakosniki" (braid pendants) in Western Siberia and Southern Urals]. *Vtorye Istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova* [The Second Historical Reading in the memory of M.P. Gryaznov]. Omsk, 1992. Part II, pp. 96-97.
- Kubarev V.D. *Drevnie izvayaniya Altaya (Olennye kamni)* [Ancient statues of Altai (Deer Stones)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1979. 99 p.
- Ol'khovskiy V.S., Evdokimov G.L. *Skifskie izvayaniya VII–III vv. do n.e.* [Scythian sculptures of the 7th – 3rd centuries BC]. Moscow: MTO METEO Publ., 1994. 184 p.
- Golovchenko N.N., Telegin A.N. *Odezhda evraziyskikh nomadov skifo-sakskogo vremeni (opyt razrabotki tipologii i terminologicheskogo apparata)* [The clothes of Eurasian nomads of the Scythian-Saka time (the development of typology and terminological apparatus)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 2, pp. 5-13.
- Litvinskiy B.A. "Zolotyye lyudi" v drevnikh pogrebeniyakh Tsentral'noy Azii (opyt istolkovaniya v svete istorii religii) [The "Golden People" in the ancient tombs of Central Asia (the experience of interpretation in the light of the history of religion)]. *Sovetskaya etnografiya*, 1982, no. 4.